

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

на тему:

**Языковое проявление авторитарной и зависимой личности (на
материале современной англоязычной художественной литературы)**

основная образовательная программа бакалавриата
по направлению подготовки 45.03.02 «Лингвистика»

Исполнитель :

Обучающийся 4 курса
Образовательной программы
«Теория перевода и межъязыковая коммуникация»
Профиль «Английский язык»

очной формы обучения
Расулова Асма Абдуллаевна

Научный руководитель :
к.ф.н., доц. Вахрамеева А. С.

Рецензент :
к.ф.н., доц. Петрова Е. С.

Санкт-Петербург
2018

Содержание

Введение.....	3
Глава I. Общетеоретические основы исследования проявлений языковой личности.....	5
1.1 Языковая личность	5
1.1.1 История исследований понятия языковая личность	5
1.1.2 Авторитарная личность и ее языковое проявление	10
1.1.3 Зависимая личность и ее языковое проявление.....	14
1.2 Гендерные характеристики мужской и женской речи в английском языке	17
Выводы по Главе I :	23
Глава II. Лингвистическое исследование языковой реализации авторитарной и зависимой личности в современной англоязычной литературе.....	25
2.1 Общие положения.....	25
2.2 Языковое проявление авторитарной личности	25
2.2.1 Высказывания мужских персонажей	25
2.2.2 Высказывания женских персонажей	30
2.3 Языковое проявление зависимой личности	36
2.3.1 Высказывания мужских персонажей	36
2.3.2 Высказывания женских персонажей.....	41
Выводы по Главе II:	45
Заключение.....	48
Литература.....	49

Введение

Язык, как неотъемлемая составляющая национального достояния, в первую очередь является инструментом, с помощью которого человек познает окружающий его мир и, что важнее всего, познает самого себя как самостоятельную и самоценную личность. Процесс становления каждой личности связан с процессом осознания мира в себе и себя в мире. Подобные и другие вопросы неоднократно поднимались специалистами такой сравнительно молодой области, как антропологическая лингвистика, наука, в центре которой находится человек, создающий и интерпретирующий смыслы.

Данная выпускная квалификационная работа посвящена изучению особенностей языкового проявления авторитарной и зависимой личности англоязычной культуры. **Актуальность** научного исследования связана с тем, что отношения группы «главный-подчиненный» широко распространены в любом макро и микро социуме, независимо от национальной, культурной или географической принадлежности; помимо этого, в связи с крайне пристальным вниманием к представителям политических кругов сегодняшней истории, особенности проявления англоязычной авторитарной личности представляют большой исследовательский интерес.

Цель данной работы состоит в установлении диапазона характерных языковых средств проявления авторитарной и зависимой личности.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1. проанализировать высказывания авторитарной и зависимой личности с точки зрения их языкового наполнения;
2. рассмотреть факторы, определяющие характер взаимоотношений;
3. выявить особенности языкового проявления авторитарной и зависимой личности в речи женских персонажей;
4. выявить особенности языкового проявления авторитарной и зависимой личности в речи мужских персонажей;

5. сопоставить особенности языкового проявления авторитарной и зависимой личности двух гендерных групп.

Таким образом, **объектом исследования** выступают высказывания персонажей, которые представлены в художественном тексте как авторитарные, либо зависимые личности. **Предметом исследования** являются языковые способы проявления авторитарной и зависимой личности в английском языке.

Практическая значимость настоящей работы состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы другими специалистами в работах, посвященных или, так или иначе, связанных с темой настоящего исследования. Кроме этого, настоящая работа, в которой будут описаны особенности проявления англоязычной авторитарной / зависимой личности, послужит информационным материалом для лингвистов и переводчиков, что позволит лучше понять и соответственно качественнее передать особенности авторитарности/ зависимости на языке перевода.

Теоретическую основу исследования составили труды таких отечественных ученых, как В. И Карасик, М.М. Бахтин, Е.И. Варгина и работы зарубежных специалистов А. Адлер, Т. Адорно и мн.др.

Материалом исследования послужили 128 высказываний, полученные методом сплошной выборки из современной англоязычной художественной литературы второй половины XX в и начала XXI в общим объемом 4153 страниц.

Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав с выводами по каждой главе, заключения и списка литературы. Глава I посвящена теоретическим основам, глава II – исследованию поставленной проблемы с опорой на отобранный нами материал, в заключении изложены выводы по проведенному лингвистическому исследованию.

Апробация работы проходила на XXI открытой конференции студентов-филологов СПбГУ (Санкт-Петербург, апрель 2018 года), где докладывались основные положения исследования.

Глава I. Общетеоретические основы исследования проявлений языковой личности

1.1 Языковая личность

1.1.1 История исследований понятия языковая личность

Нет сомнений в том, что язык и индивид тесно связаны друг с другом. Язык влияет на личность, в той же степени, как и личность оказывает влияние на язык. Ввиду вышесказанного, исследовать язык вне личности и наоборот представляется нецелесообразным, поэтому настоящая работа главным образом находится на стыке лингвистики, психолингвистики и лингвокультурологии.

Процесс антропологизации науки и образования, т.е. разворот проблематики в сторону человека, начавшийся в XX веке, продолжается и по сей день. Данное явление коснулось и лингвистики, что изменило фокус интересов исследователей. Теперь в центре исследований стоит человек. Учитывая, что речь любого человека – это отражение его внутреннего портрета, изучение человека невозможно без языкового анализа. В ходе истории исследователи, дабы упорядочить все накопленные данные и собранную информацию и синтезировать новые знания, пришли к необходимости выделить такой феномен, как языковая личность.

Вплоть до середины XX в. языковая личность понималась обобщенно и не являлась самостоятельным объектом исследования и описания, а упоминалась в связи с изучением других явлений языка [Михалевич 2011:148].

Таким образом, только с конца XX в. начинают определяться общие черты теоретического понятия «языковая личность», разрабатываются модели языковой личности, структура и типология.

Термин «языковая личность» впервые был употреблен В.В. Виноградовым в 1930 году. В книге «О художественной прозе» он писал: «... Если подниматься от внешних грамматических форм языка к более

внутренним («Идеологическим») и к более сложным конструктивным формам слов и их сочетаний; если признать, что композиционные приемы, связанные с особенностями словесного мышления, являются существенными признаками языковых объединений, то структура литературного языка предстает в гораздо более сложном виде, чем плоскостная система языковых соотношений Соссюра. А личность, включенная в разные из этих «субъектных» сфер и сама включающая их в себя, сочетает их в особую структуру. В объективном плане все сказанное можно перенести и на речь как сферу творческого раскрытия языковой личности» [Виноградов 1930:91]. Однако представления об индивидуальном характере владения языком зародились ещё в XVIII-XIX вв. в трудах В. Фон Гумбольдта и И. Г Гердера, затем получили развитие в трудах Л. Вайсгербера, И. А Бодуэна де Куртэне, К. Фосслера и др. В отечественном языкознании – это труды Ю.Н. Караулова, Г. И Богина, С.Г Воркачева, В. И Карасика и др. [Каштымова 2014: 238].

К концу XX в. в некоторых работах по лингвистике уже встречаются попытки определить сущность лингвистического феномена «языковая личность». Так Г.И. Богин понимает под языковой личностью личность речевую, т. е. человека как носителя языка, взятого со стороны его способности к речевой деятельности, а именно комплекс психофизиологических свойств индивида, позволяющих ему производить и воспринимать речевые произведения [Богин 1984:3].

Однако одним из главных отечественных исследователей, чье имя связано с изучением языковой личности, является Юрий Николаевич Караулов. Согласно представлениям российского лингвиста, языковая личность (далее – ЯЛ) – это «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью [Караулов 1989:3]. Помимо этого, лингвист считает целесообразным выделить структуру ЯЛ, которая состоит из трех уровней: «1) вербально-семантического, предполагающего для

носителя нормальное владение естественным языком, а для исследователя – традиционное описание формальных средств выражения определенных значений; 2) когнитивного, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, более или менее систематизированную «картину мира», отражающую иерархию ценностей. Когнитивный уровень устройства языковой личности и ее анализа предполагает расширение значения и переход к знаниям, а значит, охватывает интеллектуальную сферу личности, давая исследователю выход через язык, через процессы говорения и понимания – к знанию, сознанию, процессам познания человека; 3) прагматического, заключающего цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности. Этот уровень обеспечивает в анализе языковой личности закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности в мире [Караулов 1989:5].

В коллективном труде «Русский язык» под редакцией Ю.Н. Караулова, дается следующее толкование термина языковая личность: любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире [Караулов 1997: 671].

В истории изучения ЯЛ выдвигались и другие точки зрения по поводу сущности этого явления. Доктор филологических наук, Виктор Ильич Карасик, который также обращался к проблеме определения данного феномена, под термином «языковая личность» понимает «человека, существующего в языковом пространстве – общении, в стереотипах поведения, зафиксированных в языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов» [Карасик 2002:7].

Стоит отметить, что если для Ю.Н. Караулова ЯЛ – это «совокупность способностей и характеристик», то для В.И. Карасика ЯЛ – это прежде всего человек, как имманентный участник коммуникации.

Языковая личность – это многогранный феномен, в котором переплетаются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека [Воркачев 2001:70]. Отдельно взятая языковая личность характеризуется определенным запасом слов, имеющих ранг частотности употребления, а лексикон и манера говорения часто выступают как главные индикаторы принадлежности к определенному социальному слою или группе [Кусаинова 2009:120].

На данный момент мнения лингвистов относительно единого определения, которое бы полностью раскрывало понятие «языковая личность», учитывая всё многообразие и особенности данного лингвистического объекта, расходятся. В связи с этим, в данном исследовании мы будем придерживаться оригинального определения и будем понимать под термином языковая личность человека, как участника коммуникации, с его характеристиками семантико-структурной организации речи, определенным тезаурусом, как отражение языковой модели мира, психологическими и жизненными доминантами, мотивами и установками, находящими отражение в текстах.

Рассматривая ЯЛ, стоит также определить некоторые смежные положения, которые тесно взаимосвязаны с данным понятием. По мнению лингвистов, языковая личность – это прежде всего носитель языкового сознания. Языковое сознание – это опосредованный языком образ мира той или иной культуры. Языковое сознание личности реализуется в речевом поведении, которое определяется коммуникативной ситуацией, языковым и культурным статусом, социальной принадлежностью, мировоззрением и т.д. [Толмачева 2004]. Языковое сознание – это «субъективная форма человеческой жизнедеятельности по отношению к объективному миру, высшая форма нервной деятельности языковой личности, совокупность психических и ментальных систем, а также когнитивных способностей человека [Цой 2008: 44].

Развивая теорию языковой личности, Кыштымова Татьяна Викторовна утверждает, что в реальной речевой деятельности ЯЛ представлена как парадигма речевых личностей и является обобщенным, типизированным инвариантом составляющих ее параметров, в то время как речевая личность – это личность «в реальном общении» [Кыштымова 2014:240].

Согласно В. И. Карасику, в основе типологии личности может лежать открытый ряд критериев, например «тип общения, в котором соответствующая личность наиболее часто принимает участие или в котором выражает себя особенно ярко», тогда речь будет идти о дискурсивной личности [Карасик 2015: 125]. Классификация личности также может быть построена с разных позиций, которые главным образом зависят от области, выстраивающей ту или иную классификацию. Так, например, с позиции лингвистики, классификация личностей будет строиться на отношении индивида к языку, с психологической позиции – на отношении процесса становления личности и личности как данности, с позиции социологии классификация будет базироваться на социальных типах, выделенных по гендерному, возрастному, образовательному, профессиональному и другим признакам [Карасик 2005:8]. Однако, независимо от классификации и типологии, любой тип языковой личности проявляется через коммуникативное поведение [Карасик 2005: 6].

Рассматривая ЯЛ, стоит также упомянуть понятия непосредственно связанные с исследуемым феноменом. Затрагивая проблему языковой личности лингвисты часто используют термин «лингвокультурный типаж». Обычно под этим понимают «узнаваемый образ представителя определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества». Например, лингвокультурный типаж «английский чудак» или «русский юродивый». Такие концепты как правило зафиксированы в языковом сознании, даже если давно утратили свою актуальность. Подобные концепты уникальны и специфичны [Карасик 2005:9].

Лингвокультурный типаж – это обобщенное представление о той или иной типизируемой личности. В этом плане лингвокультурный типаж тесно пересекается со стереотипом, однако в отличие от стереотипа лингвокультурный типаж базируется на реально существующей или существовавшей личности [Карасик 2005:14]. В то время как языковой стереотип – это суждение или несколько суждений, относящихся к определенному объекту внеязыкового мира, субъективно-детерминированное представление предмета, в котором сосуществуют описательные и оценочные признаки [Фешкина 2009:54].

В статье «Соотношение понятий «языковой миф», «стереотип», «лингвокультурный типаж»» Е. С. Петрова и А. С. Вахрамеева рассматривают триаду «миф – стереотип – лингвокультурный типаж», в которой миф является архетипическим. В первоначальном понимании миф – это вымысел, с помощью которого человек объяснял явления окружающей его действительности. В более широком понимании миф рассматривается как иллюзорное представление, оказывающее воздействие на массовое сознание. Таким образом, миф – это, с одной стороны, продукт общественного сознания, а с другой, – инструмент для манипуляции общественным сознанием. Сегодня под этим термином подразумевают вымыслы или общие заблуждения, которые связаны с явлениями общественной жизни: например, миф о носителе языка как об идеальном преподавателе или переводчике. При этом миф может иметь под собой некоторую реальную основу [Вахрамеева, Петрова 2015: 8].

Стоит также отметить, что в современной, динамично развивающейся науке, лингвистике уже формируется новое направление исследований в области языковой личности – «лингвоперсоналия» [Нерозник 1996:112] или «лингвопортретология» [Ольшанский 2004:80].

1.1.2 Авторитарная личность и ее языковое проявление

Термин «авторитарная личность» был введен в широкое научное употребление немецким социологом Т. Адорно, который разрабатывал

теорию авторитарности и изучал собственно феномен авторитарной личности, опираясь на примеры из истории существования нацистов и нацистской идеологии Гитлера.

Основным индивидуумом в обществе, где царит авторитаризм, т.е. политический монополизм, подавление политических свобод, отсутствие оппозиции, является авторитарная личность, со свойственными ей чертами: «социальным консерватизмом; потребностью в иерархии и уважением силы; с ригидностью, негибкостью установок; стереотипным стилем мышления; с более или менее стадной враждебностью и агрессивностью, иногда вплоть до садизма; с тревожностью по отношению к другим и невозможностью устанавливать с ними доверительные отношения» [Адорно 2012:237].

Согласно БСЭ слово «авторитарный» (франц. *autoritaire* – властный, от латинского *auctoritas* – власть, влияние) имеет два значения: 1) основанный на беспрекословном подчинении власти; 2) Притязающий на авторитет; стремящийся утвердить свою власть, влияние.

Из вышеизложенного определения, можно прийти к суждению, что власть – неотъемлемая составляющая авторитаризма и авторитарной личности.

Для личности с авторитарным укладом мышления власть является первостепенной составляющей функционирования общества. Такой социально-психологический тип, как правило, стремится к максимальному подчинению партнеров по общению или взаимодействию. Помимо организационных или политических взаимодействий, авторитарность как личностная характеристика проявляется еще и на межличностном уровне в виде стремления индивида занять лидирующее положение, самую высокую позицию, при этом самоутвердиться и продемонстрировать свое превосходство над другими членами группы [Юферева 2017:18].

По мнению немецкого социолога, Эриха Фромма термин «авторитарный» целесообразно применять для садистско - мазохистского типа характера, особенно когда у личности не наблюдается невротизма. В поддержку своей точки зрения, автор подчеркивает, что личности с

садистско-мазохистским типом характера свойственна любовь к власти и отождествление себя с властью. Автор также выделяет типы власти: рациональную и насильственную, внешнюю и внутреннюю.

Как и другие исследователи, Э. Фромм выделяет особое отношение к власти и силе, как отличительную черту авторитарного характера. Для такого человека мир делится на слабых и сильных, первые вызывают любовь и восхищение, вторые – презрение. Учитывая, что в сущности авторитарного человека заложена любовь к ограничению свободы, то такой индивид с радостью готов подчиняться судьбе, при этом определение понятия «судьба» будет разным, так как зависит от социального положения авторитарной личности. Например для мелкого предпринимателя «судьбой» будет выступать экономика или экономические процессы, для государственного работника – начальство и т.д. Также, по мнению Эриха Фромма, авторитарная личность, как правило, преклоняется перед прошлым [Фромм 2017: 9].

Несмотря на то, что многие исследователи выделяют исключительно негативные характеристики авторитарной личности, существуют и другие точки зрения. В «Словаре конфликтолога» А.Я. Анцупов дает следующее определение понятию авторитарная личность: личность, стремящаяся к выстраиванию своих формальных и неформальных отношений по принципу доминирования над другими, причем в жестких формах, независимо от того, требует этого социальная ситуация или нет. Отличительной чертой авторитарной личности выступает жесткая система социальных установок. Подобные люди чувствительны к атрибутам власти, отдают предпочтение социальным стереотипам, личностную близость рассматривают как неприемлемую. Однако, стоит отметить, что авторитарность связана как с негативными (агрессия, чрезмерная самоуверенность, тревожность и др.), так и с позитивными психологическими характеристиками личности (самоконтроль, ответственность, сознательность и т.д), причем в большинстве случаев данные черты сосуществуют, что делает понятие «авторитарная личность» сложным и многоуровневым. Так как авторитарность тесно связана с системой организации психики человека, она

затрагивает весь уклад личности и влияет на регуляцию поведения и деятельности, а также коммуникации [Анцупов 2010: 2].

Как уже было отмечено, отличительной чертой авторитарной личности является особое отношение к власти. Власть в свою очередь – одна из главных составляющих политики. Следовательно, политика это именно та область, в которой авторитарность личности проявляется наиболее ярко. Исследователи также отмечают, что слова и власть неотделимы, поскольку показатели власти во многом носят вербальный характер (приказание – выполнение приказа, предложение – одобрение, и т.п.). Таким образом, можно прийти к суждению, что авторитарность, в первую очередь, проявляется на коммуникативном уровне, т.е. в речи, а как известно политический язык – это всегда боевой клич, вердикт или приговор, закон, должностная присяга, постановление и норма [Лассвелл 2006: 269-278].

На данный момент, опираясь на предшествующие исследования, можно утверждать, что авторитарные личности, дабы придать речи выразительность и достичь желаемых результатов, а именно оказать желаемый эффект на аудиторию, часто прибегают к лексическим приемам таким, как эпитет, метафора и ирония. Причем обычно авторитарные личности вкладывают негативную семантику, что позволяет более эффективно манипулировать другим человеком и оказать психологическое воздействие на него. Также речи авторитарных личностей отличаются прямолинейностью, в связи с этим редко используются сравнения, скорее прямая характеристика или прямое высказывание, хоть даже и с негативной окраской. Не редки случаи, когда авторитарная личность прибегает к самоиронии, с целью скрыть свои уязвимые чувства и сохранить свой авторитет [Юферева 2017: 70].

Таким образом, фокус настоящего исследования будет направлен на способы и особенности коммуникации личности с авторитарной психологической доминантой, иными словами, как авторитарная личность проявляет себя через язык.

1.1.3 Зависимая личность и ее языковое проявление

Согласно «Словарю русского языка» С. И. Ожегова, слово зависимость имеет следующие значения: 1) отношение одного явления к другому как следствия к причине; 2) Подчиненность другим, чужой воле, чужой власти при отсутствии самостоятельности, свободы [Ожегов 2005:254]. Не стоит отождествлять понятия «зависимая личность» и «аддиктивная личность», под последним главным образом понимают человека зависимого от химических, психологических, виртуальных и медиа объектов действительности. Термин «зависимая личность» можно определить как личность, чье поведение характеризуется как зависимое. Настоящее исследование будет главным образом посвящено личности, которая находится в зависимости от другого человека, либо по причине более низкого социального статуса, собственного выбора, либо определенно сложившейся ситуации.

Несмотря на то, что на данный момент теме языкового проявления зависимой личности посвящено ограниченное количество работ по лингвистике, проблема формирования зависимости, как психологической доминанты личности волнует многих специалистов из разных сфер: медицина, психология, педагогика, а также социология.

Социология убеждена в том, что в формировании зависимости повинны дисгармоничные общественные отношения: между государством и гражданином, родителями и детьми. Однако, несмотря на внешние факторы, неотъемлемым элементом для становления зависимой личности является исходящая изнутри готовность личности подчиняться, т.е. позволить внешним факторам, другим людям вести и управлять его жизнью [Стрельникова 2012].

По мнению Е.С. Балабановой, стоит разграничивать «нормальную» зависимость, т.е. возникающую в контексте конкретной ситуации, и зависимость «патологическую», когда зависимость выступает психологической доминантой личности [Балабанова 2005: 95].

Так как в формировании психологического портрета каждого человека основополагающая роль отдаётся когнитивным факторам, представляется целесообразным рассмотреть когнитивные особенности зависимой личности, выделяемые исследователями. Как правило, становление зависимой личности является результатом рефлексии неудачного личного опыта и недостатков достижений, которые приводят к состоянию пессимизма и «выученной беспомощности» [Балабанова 2005:99]. Так на основании неудачи в одной конкретной ситуации субъект делает вывод о своей полной неспособности решать и прочие задачи. В результате – дефицит, смирение и депрессия. К когнитивным особенностям зависимой личности относятся также низкая самооценка, недостаток уверенности в себе, слабая сила воли. В сложившейся ситуации зависимая личность, повинувшись природному инстинкту самосохранения, начинает выстраивать защитный механизм. Человек перекладывает ответственность за происходящее на внешний локус и выступает таким образом «пассивным объектом действий других людей и внешних обстоятельств» [Балабанова 2005:101]. Некоторые исследователи также утверждают, что основополагающей характеристикой зависимой личности является инфантилизм [Асеева 2014:4].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что у зависимой личности наблюдается либо недостаток, либо полное отсутствие мотивации. Однако, как утверждает Е. С. Балабанова, стоит разграничивать неподдельную демотивацию зависимой личности от своего рода стратегии «социального паразитизма», когда человек, имея возможности решить проблемы за счет собственных усилий и возможностей, стремится решить свои вопросы за счет других [Балабанова 2005:101].

Эмоциональные особенности зависимой личности проявляются в высокой потребности в окружающих людях, объектах внешнего мира. Такая нездоровая зависимость является причиной того, что человек боится одиночества, неодобрительной оценки окружающих и даже своих собственных решений. Кроме этого, как отмечают специалисты, зависимая

личность более уязвима, ревнива и эмоционально нестабильна [Балабанова 2005:102].

Все вышеупомянутые особенности безусловно проявляются в поведении зависимой личности. Главная цель зависимой личности, независимо от ситуации и обстоятельств, – это получить поддержку и одобрение окружающих. Преследуя такую цель, зависимая личность нередко доходит и до агрессии. К основным чертам, характеризующим поведение зависимой личности, относятся: «уступчивость, угодливость, внушаемость, подчинение навязываемому мнению, подстраивание под чужие эталоны, стремление избегать конфликтов, стремление быть членом группы и растворяться в ней». Зависимая личность также очень восприимчива к чувствам и поведению идеализируемого субъекта. Данная поведенческая черта объясняется тем, что правильная интерпретация действий, глубокое понимание своего «идеала» обеспечивает получение желаемого. Однако нередко ситуации, когда так называемый «идеал» или «кумир» сталкивается с необъяснимым на первый взгляд агрессивным поведением со стороны почитателей или «поклонников». Такое поведение также является характерным для зависимой личности, а причиной проявленной недоброжелательности является разлад между идеализированным зависимой личностью образом субъекта и реальным положением дел. Причем часто несоответствие созданному зависимой личностью образу воспринимается той же зависимой личностью, как предательство, а не собственное заблуждение [Балабанова 2005:103 – 104].

Согласно В.И. Карасику, любой тип языковой личности проявляется через коммуникативное поведение [Карасик 2005: 6]. Посему нет сомнений в том, что человек, у которого зависимость выступает психологической доминантой, так же как и любая личность, проявляет себя в языке особым, характерным для него образом.

1.2 Гендерные характеристики мужской и женской речи в английском языке

В последнее время наблюдается процесс антропологизации широкого спектра исследований. Данный процесс не обошел стороной и лингвистику. Специалисты этой области уже на протяжении нескольких лет проявляют не угасающий интерес к гендерным проблемам языка. Гендерная лингвистика, как отдельное направление, «изучает язык и речевое поведение с применением инструментария гендерологии» [Кирова 2009:138]. В условиях стремительно меняющегося мира, изменения мировосприятия и кардинальной перестройки социального уклада рассмотрение гендерных вопросов крайне необходимо, так как позволяет изучить роль полов, их семантическое выражение в культуре, истории, языке, философии и других сферах тесно связанных с жизнедеятельностью человека и развитием психологического портрета социума.

Фокус гендерных исследований направлен на стереотипные представления о мужских и женских качествах, на речевое поведение индивидов в зависимости от их принадлежности к тому или иному полу, а также на наличие или отсутствие категории рода в языке [Кирова 2009: 138].

Работы таких исследователей, как О. Есперсена, А.В. Кирилиной, А.А. Григорян, Е.И. Горошко, Д. Таннен и многих других сыграли большую роль в становлении гендерной лингвистики.

Впервые проблема соотношения языка и пола возникла в античности при осмыслении категории рода. Однако предшественницей и своего рода зародышем сегодняшней гендерной лингвистики является феминистская критика языка или феминистская лингвистика, которая доказала наличие гендерной асимметрии в языковой системе. В связи с этим «феминистская лингвистика настаивает на переосмыслении и изменении языковых норм, считая сознательное нормирование языка и языковую политику вполне

продуктивными факторами, например в политическом дискурсе» [Кирова 2009: 138].

В России гендерные исследования начали развиваться в конце 80 – х начале 90 – х гг., когда общепринятый социальный строй пошатнулся и появились первые феминистские группы. Тогда впервые была затронута гендерная проблематика. Несмотря на то, что понятие «гендер» сегодня часто фигурирует в лингвистических работах и в широком ходу у лингвистов, мнения исследователей касаясь природы этого понятия все ещё расходятся. Также нередко возникают сложности с единообразием понимания понятий «пол» и «гендер».

«Пол в контексте гендерного конструирования представляется как категория биологическая. Гендер – категория процесса: обучение, «вхождение» в роль, овладение поведенческими действиями, соответствующими или не соответствующими определенному гендерному статусу. Гендер – концепт – структура поведенческих моделей и в первую очередь структура господства и подчинения, структура сфер социального пространства – публичного(мужского) и частного(женского)»[Кирова 2009: 139].

На сегодняшний день в лингвистике существуют две тенденции при изучении мужской и женской речи. Такие исследователи, как Р. Лакофф, Д. Таннен и др. придерживаются мнения, что речь мужчин и женщин отличается, в то время как другие исследователи, такие как В.Н. Пилатова и др. придерживаются противоположной точки зрения.

На язык в той или иной мере переносятся все социо - культурные особенности общества, т.е. предпочтение одного другому, пренебрежение третьим, всё это находит своё выражение через язык. Многие исследователи неоднократно затрагивают проблему гендерной асимметрии в языке, а А. Г. Кирова утверждает, опираясь на проведенные изыскания, что «почти все языки мира андроцентричны» [Кирова 2009: 139]. Похожей точки зрения придерживается и американский лингвист, Робин Лакофф, говоря в работе

«Язык и место женщины» о неполноценности и не до конца раскрытом потенциале образа женщины в картине мира.

Согласно исследователям, гендерная асимметрия в языке является следствием гендерных стереотипов: «упрощенных, схематизированных, эмоционально четко окрашенных, устойчивых образов мужчин и женщин, распространяемых обычно на всех представителей той или иной гендерной общности независимо от личных особенностей тех или иных представителей» [Кирова 2009:139].

Вышеизложенная точка зрения поддерживается Н.В. Белой, которая утверждает, что «гендерная система отражает асимметричные оценки и ожидания, направленные членам социума в зависимости от их гендерной принадлежности» [Белая 2009: 97].

Отличия мужской и женской речи лежат в разных аспектах языка: в лексике, фонетике, грамматическом строе, фонологии. Наибольшее число лингвистических исследований посвящено различиям между словарными составами мужской и женской речей.

Например датский лингвист, Отто Есперсен утверждает, что именно мужчины являются главными «архитекторам языка», так как именно они вводят новые и доселе не встречавшиеся выражения [Jespersen 1999:247].

По мнению Натальи Владимировны, словарный состав женщин меньше по объему. Женщины, как правило, пользуются ядром лексического состава языка, т.е. лексическими единицами с высокой частотой встречаемости в речи, в то время как мужчины склонны использовать больше неологизмов, профессионализмов и даже архаизмов, не будучи в состоянии подыскать им общеупотребительные эквиваленты [Белая 2009: 98].

Женщины в два раза чаще используют в речи местоимение «мы», выражая тем самым эмпатию собеседнику, т.е. готовность оценить ситуацию с его позиции, при этом речь не идет об отказе от своего собственного мнения [Белая 2009:100].

В качестве отличительной характеристики так называемого женского языка некоторые лингвисты выделяют частое употребление определенных

или «пустых» прилагательных, например превосходный, милый, pretty и nice [Lakoff 1975:5].

Причиной различий существующих между мужской и женской речами также может быть принципиальное несовпадение интенций вступающих в диалог коммуникантов разной гендерной группы. «Для женщин речь служит средством, позволяющим завести друзей и поддерживать взаимоотношения. Для мужчины «разговаривать» значит «передавать факты» [Белая 2009: 99]. Более этого, по мнению некоторых лингвистов «речевое поведение мужчин обычно нацелено на достижение и сохранение независимости высокого статуса. От женщин общество ожидает неконфликтности, уступчивости, эмоциональности» [Tannen 1990].

Всё вышеизложенное подкрепляется мнением современных исследователей: «женщины гораздо интенсивнее используют «модальные элементы» такие, как модальные глаголы (*could, might*), устойчивые сочетания (*kind of, sort of, to some extent*), частицы (*just, only*) и вводные предложения (*I wonder, you know*). Благодаря им, зачастую женскую речь характеризуют как неуверенную и колеблющуюся [Coates 1996; Антинескул 2000; Жигайкова 2004].

Женщины, как правило, прежде всего стремятся к построению эмоциональной связи с собеседником. Вследствие этого языковое взаимодействие начинается преимущественно с этикетных высказываний вводного характера. Таким образом, женщины часто становятся инициаторами диалога. «В большинстве случаев первая реплика, произнесенная женщиной, содержит в себе вопрос. Вопросительная интонация на уровне рефлекса побуждает мужчину дать ответ и тем самым выводит его из состояния внутреннего диалога» [Белая 2009: 98].

Прежде всего стоит отметить, что некоторые лингвисты, считают, что мужчины не склонны воспринимать женщину, как равноправного собеседника. Такое восприятие естественным образом отражается в речи: мужчины чаще чем женщины используют в своей речи личное местоимение «я», тем самым устанавливая субординацию и занимая позицию «единственного субъекта

деятельности». Данная точка зрения подтверждается гипотезой психологов о том, что концепт женского эго более размыт и подвижен, а мужчина, в свою очередь выступает как личность сильная и независимая [Белая 2009: 100].

В отношении грамматических особенностей речи мужчин и женщин также были высказаны различные точки зрения. Незаконченные предложения, как утверждает Отто Есперсен, являются одним из признаков женской речи. Опираясь на проведенные исследования, датский лингвист объясняет вышесказанное утверждение тем, что женская речь спонтанна и менее продумана в сравнении с мужской [Jespersen 1922].

Среди лингвистов существует также мнение, согласно которому женской речи характерно большое количество интеррогативных структур, в частности предложения с разделительными вопросами [Lakoff 1979].

В народе также бытует всем хорошо знакомый стереотип «женщины говорят слишком много» или «женщины говорят больше мужчин». Опираясь на исследования Д. Таннен, представляется уместным отметить, что крайне важно в какой ситуации находится говорящий и к какой гендерной группе он принадлежит. Так лингвист утверждает, что мужчина более словоохотлив в ситуации публичного выступления, перед публикой, женщина – напротив, склонна к разговору в ситуации личного общения [Tannen 1990].

Как было сказано выше, речь женщин, как правило, мягче и менее эгоцентрирована. Речь мужчин – напротив, сжата, прямолинейна и нагружена информацией, именно прямой императив скорее характерен мужчинам, чем женщинам. Последние, стараясь смягчить побуждение, будут использовать такие формы, как *let's*, *gonna*, *could*. Таким образом, побудительное высказывание женщины, будет воспринято скорее, как предложение, а не как приказ или прямое побуждение к действию [Goodwin 1980:49-50]. Как утверждает Н.В. Белая, мужской стиль общения свидетельствует о стремлении к социальному доминированию и независимости, женский – к сотрудничеству [Белая 2009: 101].

Принимая во внимание тот факт, что каждый человек, будь то мужчина или женщина, индивидуален, нельзя сказать, что выявленные

исследователями особенности речи социальных гендерных групп верны для каждого представителя той или иной социальной группы. Более того, если обратиться к истории человечества, то станет очевидным громадная роль социального статуса в определении характера и особенностей отдельно взятого индивида. Так, например, история лишила женщину власти, сделав её хрупкой, беззащитной и присвоив ей статус «слабой - зависимой» личности. Исходя из этого, особенности, обычно присваиваемые женской речи, в работах некоторых исследователей получили название – «язык слабых» (*powerless language*) [Вахрамеева 2009:50].

Выводы по Главе I :

В данной работе были рассмотрены различные подходы к определению такого лингвистического понятия, как языковая личность. Учитывая, что на сегодняшний день в лингвистике нет единого мнения по поводу сущности рассматриваемого явления, настоящее исследование будет опираться на оригинальное определение. Согласно этому определению под языковой личностью следует понимать человека, как участника коммуникации, с его характеристиками семантико-структурной организации речи, определенным тезаурусом, как отражение языковой модели мира, психологическими и жизненными доминантами, мотивами и установками, находящимися отражением в текстах. Кроме этого, были разграничены понятия «языковая личность» и «речевая личность», как общее и частное, и выявлены особенности смежных с «языковой личностью» терминов «лингвокультурный типаж» и «стереотип». Лингвокультурный типаж рассматривается как типизированное понимание той или иной личности, когда-то существовавшей в культуре народа, закрепившееся в сознании людей, независимо от того, существует он по сей день или давно потерял свою актуальность. Стереотип в свою очередь является обобщенным пониманием предмета внеязыкового мира и не имеет под собой действительных оснований.

Подробно был рассмотрен термин «авторитарная личность» и явление «авторитарность». Было выявлено, что авторитарная личность – это личность с определенным видением мира, согласно которому вселенная делится на сильных и слабых, а власть выступает главным средством взаимодействия индивидуумов. Кроме этого, были исследованы психологические и языковые характерные особенности авторитарной личности. «Авторитарная личность» – явление многогранное, которому свойственны как отрицательные, так и положительные черты. К отрицательным особенностям авторитарной личности относят стереотипное мышление, враждебность характера, неприятие личностной близости. В число положительных черт входят

самоконтроль, ответственность и дисциплина. Так как явления авторитарная личность и власть тесно связаны друг с другом, а власть является неотъемлемой частью политического поля, было обнаружено, что речи политических лидеров представляют собой один из примеров языкового проявления авторитарной личности.

Под понятием «зависимая личность» в данном исследовании понимается индивидуум, который находится в зависимости от другого человека, либо по причине более низкого социального статуса, собственного выбора, либо определенно сложившейся ситуации. К психологическим чертам зависимой личности относят неуверенность, отсутствие мотивации, инфантилизм, страх перед ответственностью. Такие личности склонны к идеализации объектов реальности и к агрессии в случае расхождения их собственного видения с реальной картиной мира.

Рассмотрев историю развития гендерной лингвистики и современные подходы к изучению языка с точки зрения гендерной принадлежности говорящего, было принято мнение, согласно которому мужская и женская речи обладают определенными свойственными только им характеристиками. Были рассмотрены различные точки зрения. На сегодняшний день в лингвистике существует две основные теории сопоставления мужской и женской речи. Согласно одной теории, лингвисты утверждают, что речь мужчин и женщин – понятия разные, сторонники второй теории напротив, считают, что речь мужчин и речь женщин не имеют существенных различий. Многие исследователи отмечают, что мужчины и женщины преследуют различные цели в коммуникации, что обуславливает некоторые из языковых особенностей. Так, речь мужчины эгоцентричнее, информационно более нагружена и доминантна в сравнении с женской речью. Тогда как женскую речь отличает эмоциональность и направленность на собеседника.

Глава II. Лингвистическое исследование языковой реализации авторитарной и зависимой личности в современной англоязычной литературе

2.1 Общие положения

В главе II настоящей работы на языковом материале, полученном методом сплошной выборки из произведений англоязычной художественной литературы второй половины XXв. и начала XIXв общим объемом 4153 страниц, будут рассмотрены высказывания, в которых проявляется характер той или иной личности, исследуем способы языкового проявления личности в подобных высказываниях, и выведем наиболее частотные инструменты языковой реализации авторитарной и зависимой личности для англоязычной культуры. Весь собранный корпус примеров (128) был подразделен на группу высказываний по типу характера личности персонажа. Группа с высказываниями, характеризующими мужские и женские персонажи с авторитарной психологической доминантой насчитывает 93 примеров. Базу высказываний, характеризующих мужских и женских персонажей с зависимой психологической доминантой составили 35 примера.

2.2 Языковое проявление авторитарной личности

2.2.1 Высказывания мужских персонажей

Прежде всего рассмотрим высказывания мужских персонажей с авторитарной доминантой личности (69), так как высказывания именно этой группы составили наибольшее число собранного материала:

1. You help your sister, he ordered them. “Whatever she needs to ensnare the king, you give her. Whatever arts she needs, whatever goods she should have, whatever skills she lacks, you get them for her. We are looking to the two of you to get her into his bed. Don't forget it. There will be great rewards. But if you fail, there will be nothing for us at all. Remember it.” [P.G.:12].

В данном примере представлена часть речи дяди, который дает своего рода наставление племянникам с целью реализации общего плана – заговора. Пример (1) состоит из ряда сложных и простых предложений, в которых наибольший интерес представляют глаголы в повелительном наклонении (*give/ get/ don't forget/ remember*), которые в данном случае выступают главным средством проявления авторитарности речи. Предложения с подобными глаголами явно указывают на указ, приказ или волеизъявление говорящего. Стоит также отметить, что в рассматриваемых предложениях с глаголами в повелительном наклонении присутствует эксплицитно - выраженный субъект во втором лице (*you help your sister, you give her, you get them*). Подобная структура в данном случае используется не только для собственно побуждения, но и для акцентирования авторитарности говорящего. Кроме этого, выдвижение придаточного объектного в инициальную позицию перед главным предложением (*whatever she needs <...>, you give her, whatever arts she needs <...>, you get them for her*) придает речи выразительность и создает эмфазу.

Следующий пример интересен тем, что в нем главным языковым способом проявления авторитарности выступает наличие восклицательного знака в предложениях невосклицательной структуры:

2. *No one orders me!No one insults me!*[P.G.:226].

Пример (2) был взят из речи короля, одного из главных персонажей современного исторического романа британской писательницы XX – XXI вв. Прежде всего стоит отметить, что персонаж использует глагол *order*, который в компании с лексическим отрицанием подчеркивает тот факт, что говорящий занимает самое высокое положение в иерархии власти. Помимо лексического отрицания, король предпочитает более экспрессивные и выразительные простые нераспространенные предложения. Экспрессивность речи также усиливают восклицательные знаки, стоящие в конце каждого предложения. Помимо этого, говорящий использует такие риторические фигуры речи, как анафора и эпифора. Все перечисленные особенности обеспечивают авторитарный характера всего высказывания.

Еще одним способом реализации авторитарной личности в речи, который удалось установить в ходе анализа, является более частое использование нераспространенных предложений:

3. *Nothing. Lying in bed. Now, leave my breakfast tray and close those bloody curtains and go out, would you? Philip, you are talking to me as one would talk to a servant. I'm your husband. You're my wife [S.T.:27].*

В примере (3) представлен краткий диалог довольно незаурядной супружеской пары, английской королевской четы, короля Филиппа и королевы Елизаветы II. Как и в примере (1), авторитарность говорящего в данном высказывании проявляется главным образом посредством глаголов в повелительном наклонении (*leave, close, go out*). Персонаж, выступающий личностью авторитарной, в данном случае король Филипп, равно как и король Генрих VIII в примере (2), использует преимущественно простые предложения, тем самым придавая речи эмоционально – выразительный характер. Более того, персонаж напрямую говорит о зависимости королевы, как жены, и о своем авторитете мужа и главы семьи и вновь прибегает к простым двусоставным предложениям. Ко всему прочему можно отметить притяжательное местоимение (*my breakfast tray*), использование которого в данном случае видится необоснованным ситуацией. Исходя из этого, можно предположить, что подобное речевое решение – способ демонстрации власти и права собственности.

Также к ряду способов языкового проявления авторитарной личности можно отнести риторический вопрос:

4. *WHAT HAVE I TOLD YOU, thundered his uncle, spraying spit over the table <...> 'ABOUT SAYING 'M' WORD IN OUR HOUSE?'*

'HOW DARE YOU THREATEN DUDLEY!' roared Uncle Vernon, pounding the table with his fist. <...> I WARNED YOU! I WILL NOT TOLERATE MENTION OF YOUR ABNORMALITY UNDER THIS ROOF! [J.R.(a):7].

В данном примере представлена часть диалога племянника и дяди. В пример вошли главным образом реплики дядюшки Дурсль, который не упустит случая лишней раз напомнить своему племяннику, Гарри, кто в доме

главный. В данном примере авторитарность персонажа проявляется в речи, как и в примере (2) через восклицательный знак в предложении невосклицательной структуры (*I warned you! I will not tolerate mention of your abnormality under this roof!*). Однако помимо этого говорящий прибегает к использованию восклицательного по структуре предложения (*How dare you threaten Dudley!*) и риторического вопроса (*What have I told you about saying 'm' word in our house?*), которые не только придают выразительности речи, но, что важнее, позволяют автору высказывания выразить свое недовольство непослушанием со стороны другого лица, в данном случае племянника. Авторский прием капитализации в прямой речи авторитарного персонажа усиливает эмоциональность всего высказывания и авторитарный характер речи. В рассматриваемом примере авторитарность персонажа проявляется также через такие глаголы, как *warn, tolerate*. К тому же, в данном примере присутствует авторские комментарии относительно характера речи персонажа (*thundered, roared*), которые дополнительно способствуют созданию образа авторитарной личности.

Как и в примере(4), одним из главных способов языкового проявления авторитарности персонажа в примере (5) выступает риторический вопрос, но в данном случае с отличной структурой:

5. *Then you'll have to buy another one, won't you? <...> You'll have to save your pocket-money until there's enough in the kitty to buy a new one for your precious Mrs Phelps, won't you?[R.D.:4].*

В настоящем примере представлена часть отцовской нотации дочери. Пример состоит из нескольких, идущих друг за другом разделительных по структуре вопросов, которые, однако, выступают в функции риторического вопроса и, как в примере (4), являются одним из главных способов проявления авторитарности в речи. Так говорящий достигает эмоционального накала и экспрессивности, главной задачей которых – оказать психологическое воздействие на второго коммуниканта.

В корпусе примеров была выделена группа, представленная высказываниями по типу *I said ...*, что можно считать еще одним способом языкового проявления авторитарной личности:

6. *I said, bow<...> [J.R.(a):573].*

Пример (6) – реплика одного из центральных персонажей фантастической книги британской писательницы, Дж. Роулинг. Герой, чья реплика была выбрана для анализа, представляет собой властного и жестокого злодея, который стремится подчинить себе весь мир. Прежде всего стоит отметить, что высказывание представлено сложноподчиненным предложением с глаголом *say* в главной части и глаголом *bow* в придаточном объектном. Как главное средство проявления авторитарности мужского персонажа в данном примере выступает глагол *bow* в повелительном наклонении, однако наличие глагола действия *say* в форме простого прошедшего времени (*Past Simple*) также придает всему высказыванию авторитарный характер.

Помимо вышеупомянутых наиболее частотных средств проявления авторитарности, стоит также коснуться и других не менее интересных языковых средств, которые были найдены в ходе анализа:

7. *Yet you helped return me to my body, said Voldemort coolly, watching Wormtail sob on the ground. 'Worthless and traitorous as you are, you helped me ... and Lord Voldemort rewards his helpers ...' [J.R.(a):563]*

В представленном примере один из главных героев книги, стремящийся подчинить себе весь мир, проявляет верность сказанному слову и награждает своего слугу, как и обещал. Главным языковым средством проявления авторитарности такого героя в данном примере выступает имя нарицательное – его собственное имя, которое персонаж использует вместо привычного и ожидаемого личного местоимения *I*, характеризуя самого себя. Учитывая, что речь героя в целом помпезна и высокопарна, использование инверсии (*worthless and traitorous as you are*) в данном случае также можно отнести к языковому способу реализации для авторитарной личности. Этой же причиной объясняется выбор глагола *reward*. В примере также

представлен авторский комментарий (*coolly*) относительно речи говорящего. Подобная авторская ремарка дает основание утверждать, что для авторитарной речи характерно хладнокровие и отсутствие эмоциональности.

Следующим способом проявления авторитарности в речи мужских персонажей является использование личных местоимений:

8. *We'll raid them and take fire. There must be four of you; Henry and you, Robert and Maurice. We'll put on paint and sneak up; Roger can snatch a branch while I say what I want. The rest of you can get this back to where we were. We'll build the fire there. And after that – [W.G.:311].*

Пример (8) представлен отрывком из речи мальчика-предводителя. Высказывание состоит из ряда предложений, в которых подлежащее выражено главным образом личным местоимением 1-го лица множественного числа. В данном случае личное местоимение выступает в одном из своих значений, а именно в значении *we* - *королевское*, которое имеет место быть в речах политиков и политических лидеров. Помимо этого в рассматриваемом отрывке представлены модальные глаголы (*must, can*) со значениями долженствования, приказа и разрешения соответственно. Таким образом, все вышеперечисленные особенности обеспечивают речи авторитарный характер, ожидаемый от героя - предводителя.

2.2.2 Высказывания женских персонажей

В данную группу вошли высказывания, авторами которых выступают женские персонажи с авторитарной психологической доминантой (24).

Одним из наиболее часто встречающихся способов проявления авторитарности в речи для женских персонажей, так же как и для мужских выступают модальные глаголы и глаголы в повелительном наклонении:

9. *'Very well,' she said, 'you will receive the results of your inspection in ten days' time.'* *'I can hardly wait,' said Professor McGonagall, in a coldly indifferent voice, and she strode off towards the door. 'Hurry up, you three,' she added, sweeping Harry, Ron and Hermione before her [J.R.(b):287].*

В данном примере представлена речь старшего преподавателя факультета. Ее реплики в данном случае адресованы ученикам и представителю из министерства, которая временно исполняет обязанности преподавателя. Авторитарность героини главным образом проявляется в предложении с глаголом *hurry up* в повелительном наклонении, в специфичном обращении к ученикам с эксплицитно-выраженным подлежащим (*hurry up, you three*) в постпозиции. Стоит также отметить, что отвечая даме из министерства магии, которая ни по социальному положению, ни в виду своего характера, никак не зависит от преподавателей школы, а скорее наоборот стоит над ними, несмотря на это речи героини все же свойственна авторитарность, которая достигается в данном случае с помощью сатирического приема, иронии (*I can hardly wait*). Ирония также позволяет героине через язык выразить свое пренебрежение и своего рода неуважение к личности и полномочиям второго коммуниканта. Более того, авторитарность речи героини подтверждается авторским комментарием (*coldly indifferent voice*), который изображает героиню, как личность с высоким уровнем самоконтроля и воли.

Следующий пример демонстрирует, что для речи авторитарной личности женских персонажей (как и мужских) характерно наличие не только модальных глаголов и повелительного наклонения, но и характерно малораспространенная структура предложения:

10. *'I won't have it, she warned him. I won't tolerate it. She must leave court'* [P.G.:275].

Данный пример был взят из речи главной героини исторического романа, королевы Анны. Говоря о лице, находящемся уровнем ниже в иерархии власти, женский персонаж использует модальный глагол (*must*) для выражения собственного приказа. Такой шаг позволяет персонажу продемонстрировать настойчивость и силу своего характера, а нераспространенная структура предложений придает экспрессивность всему высказыванию. В данном случае героиня, как и в примере (2), использует прием повтора, заменяя глагол (*have*) с широким семантическим полем, на

глагол волеизъявления (*tolerate*) с более выраженными границами смыслового значения во втором варианте, тем самым конкретизируя свою мысль и заостряя внимание второго коммуниканта на своей точке зрения. Кроме этого стоит обратить внимание на использование глагола *will*, как главного языкового инструмента выражения своей воли и повторение личного местоимения *I*, указывающего на эгоцентричный характер речи героини.

В речи женских персонажей с авторитарной психологической доминантой также встречаются простые нераспространенные, восклицательные предложения и номинативные предложения, что видно из примера (11):

11. *You ignorant little slug! You witless weed! You empty-headed hamster!*
[R.D.:142].

Данный пример представлен высказыванием директрисы, которая в порыве гнева обрушивается на одного из учеников. Высказывание состоит из цепочки следующих друг за другом односоставных номинативных предложений с восклицательными знаками, которые придают экспрессивность всему высказыванию. Стоит отметить уже встречавшееся в примере (9) эксплицитное использование личного местоимения (*you*) в сочетании с прилагательными с ярко выраженной негативной оценочностью, которое выражает адресное коммуникативное психологическое воздействие высказывания и подчеркивает властность характера речи женского персонажа.

Как для речи мужских героев с авторитарной психологической доминантой, так и для авторитарной речи женских персонажей характерно наличие риторических вопросов:

12. *'You received the note I sent to your cabin this morning?'* said Umbridge, in the *same loud, slow voice* she had used with him earlier, as though she were addressing somebody both foreign and very slow. *'Telling you that I would be inspecting your lesson?'* [J.R.(b):540].

В примере (12) представлена речь героини, которая выступает в роли представителя от Министерства Магии со всеми правами и полномочиями, предоставленными ей, как лицу осуществляющему проверку образовательного учреждения. Речь героини адресована одному из преподавателей школы. В данном случае, героиня задаёт вопрос не с целью получить ответ или какую-либо информацию, а с тем, чтобы напомнить о своей цели и причине прихода. Стоит также отметить, что рассматриваемое предложение с точки зрения структуры и порядка слов является повествовательным, а не вопросительным, что, позволяет придать речи более весомый и непреклонный характер. Более этого в примере присутствует авторский комментарий относительно речевого поведения героини, что добавляет речи властность.

Примеры (13) и (14) демонстрируют характерное использование женским персонажем местоимений, как средства проявления авторитарности в речи:

13. The dishwashers I have now were obsolete at least five years ago. Every year since I've been here I've been told: Next year we'll give you your new ones. And when next year comes, where are my dishwashers? I find they're put off for another twelve months. It won't do, Mr.T. It just won't do [A.H.:341].

В данном примере представлена часть диалога между заведующим больницей и старшей по столовой. Прежде всего стоит отметить необоснованное использование притяжательных местоимений (*your; my*), с помощью которых героиня заявляет право пользования определенными предметами, которые ей в действительности вовсе не принадлежат, и личного местоимения *I*, которое также указывает на право владения (*I have now*). Также в речи женского персонажа присутствует неоднократное использование глагола *will* в отрицательной форме (*It won't do, Mr.T. It just won't do*). Такой шаг позволяет подчеркнуть то, что действительность, в данном случае поведение определенных лиц, идет в разрез с волеизъявлением героини. Помимо этого в последней фразе героиня использует модальную частицу *just*, которая подчеркивает ранее изложенную

мысль и выражает настойчивость говорящего. Как уже было отмечено в предыдущей главе, женщины гораздо интенсивнее используют модальные элементы, но, принимая во внимание настоящий пример, можно утверждать, что подобные модальные компоненты придают речи не только неуверенность, но и наоборот, силу и власть. Также героиня использует риторический вопрос, что позволяет ей выразить негодование по поводу сложившейся ситуации и предъявить претензию второму участнику коммуникации.

14. I will want their broomsticks confiscated, of course; I shall keep them safely in my office, to make sure there is no infringement of my ban [J.R.(b):369].

В примере (14), представленном полипредикативным предложением с сочинительной и подчинительной связью, в первой части автор высказывания использует глагол *will* не столько для указания будущего времени, сколько для выражения личного волеизъявления. Интересно, что во второй предикативной единице, когда речь идет о действии, агенсом которого выступает сама автор высказывания, используется глагол *shall* для придания всему высказыванию большей значимости. Авторитарность персонажа также проявляется с помощью объектной причастной конструкции (*their broomsticks confiscated*) в сочетании с глаголом волеизъявления (*want*), что указывает на то, что героиня хочет, чтобы её желание было исполнено другим лицом. Целесообразно предположить, что личное местоимение *I*, с которого начинается каждое новое предложение героини, в данном случае подчеркивает повышенное внимания автора высказывания к собственной персоне, а также желания говорящего подчеркнуть собственное положение и наличие определенных полномочий. Как и в примере (13), использование притяжательных местоимений способствует созданию образа властной личности и авторитарной речи.

Далее мы рассмотрим высказывания с полипредикативными предложениями, в которых главная часть представлена личным местоимением и глаголом действия *say* в форме прошедшего простого

времени (*I said...*) и выступает главным способом языкового проявления авторитарности женского персонажа:

15. *'I said I would bring him down', Anne remarked smugly to me [P.G.: 153].*

В настоящем примере речь идет о том, что героиня, она же в будущем королева Анна, стремится подчинить своей воле полновластного короля Англии. Наличие глагола действия *say* в форме прошедшего простого времени (*Past Simple*) придает высказыванию настойчивый и неопровержимый тон, который поддерживается авторским комментарием (*smugly*), так как согласно словарю Cambridge Dictionary значение наречия *smugly* содержит такие компоненты, как *satisfaction* и *confidence*. Интересен также выбор фразеологической единицы *bring down*. Из словарной дефиниции фразеологизма *bring sb down: to cause someone in a position of power to lose their job*, видно, что выбор говорящего не безосновательный и обоснован ситуацией. Таким образом, данная фразеологическая единица выступает еще одним средством проявления авторитарности в речи, так как героя, в открытую говорящего о своих намерениях свергнуть того, кто уже обладает властью, никак нельзя считать героем с зависимой психологической доминантой.

Следующее высказывание является примером характерного использования вопроса, как средства языкового проявления авторитарности характера персонажа:

16. *I want those filthy pigtails off before you come back tomorrow! <... > Chop 'em off and throw 'em in the dustbin, you understand? [R.D.:89].*

Пример (16) был взят из диалога директрисы с ученицей. Прежде всего стоит отметить наличие глагола волеизъявления (*want*), которое, как и в примере (14) оформляет все далее сказанное, как требование со стороны авторитарной личности. В речи героиня также использует глаголы в повелительном наклонении (*chop off, throw*), что добавляет авторитарности всему высказыванию. Однако интереснее всего в данном примере видится использование вопросительного предложения (*you understand?*), где

говорящий опускает вспомогательный глагол (*do*), что позволяет герою упростить структуру предложения. Такое речевое поведение позволяет персонажу придать своей речи властный и безапелляционный характер.

2.3 Языковое проявление зависимой личности

2.3.1 Высказывания мужских персонажей

В данную группу вошли высказывания, характерные для мужских и женских персонажей с зависимым типом личности (35). В главе I настоящего исследования было отмечено, что главными поведенческими характеристиками зависимой личности являются уступчивость, угодливость, внушаемость, подчинение навязываемому мнению, подстраивание под чужие эталоны, стремление избегать конфликтов, стремление быть членом группы и растворяться в ней.

В ходе анализа собранного корпуса примеров было выявлено, что одним из способов проявления зависимости в речи мужских персонажей является синтаксическая редупликация целого предложения или его части:

17. 'Well, I'm ... I'm in the Gryffindor Quidditch team. And I was supposed to be at the tryouts for the new Keeper at five o'clock on Friday and I was – was wondering whether I could skip detention that night and do it – do it another night ... instead ...' [J.R.(b):239].

Настоящий пример представлен репликой персонажа, студента, который, находясь в подчинении у преподавателя, предпринимает попытку уговорить перенести назначенное ему наказание на другой день. Данный пример ярко демонстрирует, как синтаксическая редупликация части предложения, которое не несет информационной нагрузки, является главным способом проявления зависимости в речи. Подобное речевое поведение вызвано тревожностью, неуверенностью, страхом и стеснением, которые герой испытывает в момент речи.

Помимо синтаксической редупликации в высказываниях мужских персонажей с зависимым типом личности была обнаружена редупликация лексических единиц:

18. *Thank you, master... thank you, 'murmured Macnair [J.R. (a):565].*

В примере (18) представлена реплика зависимого персонажа, который обращается к предводителю группы. Главным способом проявления зависимости характера персонажа в речи выступает редупликация лексической единицы (*thank you*). Такое речевое поведение говорящего позволяет ему подчеркнуть испытываемое им чувство благодарности, и как следствие заверить второго коммуниканта в своей преданности. Кроме этого, на отношения «лидер-подчиненный» указывает также и обращение, выраженное словом *master*, значение которого согласно *Cambridge Dictionary* состоит из таких компонентов, как *control, responsibility, the most important or influential person*, и соответственно характеризует речь говорящего, как зависимую. В сравнении с примером (17) в данном высказывании зависимый характер речи также дополняется авторским комментарием (*murmured*), который в отличие от авторских ремарок в примере (4), характеризует речь персонажа, как тихую и медленную.

Следующим способом проявления зависимого типа личности в речи мужских персонажей выступают лексические единицы со значением мольбы, извинения, волеизъявления:

19. *Master, we crave to know ... we beg you to tell us ... how you have achieved this ... this miracle ... how you managed to return to us ...' [J.R. (a):566].*

Данный пример был взят из диалога главного злодея романа с его подчиненными. Прежде всего стоит заметить, что говорящий использует такие глаголы, как *crave* и *beg*, из словарных дефиниций которых (*beg (verb) - to make a very strong and urgent request; crave (verb) - to have a strong feeling of wanting something*) видно, что речь мужских персонажей с зависимым типом личности отличается эмоциональностью. Такое речевое поведение говорящего видится как проявление раболепства перед лицом второго участника коммуникации, которому адресована данная реплика. Стоит отметить также использование личного местоимения 1-го лица множественного числа (*we*), которое придает речи зависимый характер и помогает персонажу снять с себя личную ответственность, т.е. сместить

фокус второго коммуниканта на группу людей. Помимо этого в данном примере можно выделить еще один способ языкового проявления личности зависимого типа, а именно прерывание речи. Так, например, одно из ряда простых предложений, которыми представлено все высказывание, видится структурно незавершенным (*we crave to know...*). Далее говорящий переходит к новому предложению, а после с помощью нескольких простых предложений конкретизирует свою мысль. Однако структурно неполноценное предложение в начале всего высказывания в данном случае выступает способом реализации зависимой психологической доминанты персонажа в речи: неуверенность, страх напрямую задать вопрос и приступить к интересующей информации. Кроме этого, как и в примерах (17), (18), герой использует синтаксическую и лексическую редупликации (*how you – how you/ this – this*). На отношения «лидер – подчиненный» указывает также обращение (*master*), которое уже встречалось в примере (18).

Одной из характерных особенностей, обнаруженных в речи мужских персонажей с зависимым типом личности является наличие сложносочиненного союза или междометия в инициальной позиции:

20. *'But didn't we, didn't we -?'* [W.G.:367].

Пример (20) был взят из диалога подчиненного с предводителем группы. Высказывание представлено, как и в примере (19), неполным по структуре вопросительным предложением. Герой буквально обрывает речь на полуслове, не имея на то каких-либо причин, вызванных внешними обстоятельствами. Кроме этого, в речи присутствует синтаксическая редупликация (*didn't we*), которая уже встречалась в примерах (17) и (19). Однако отличительной особенностью, обеспечивающей зависимый характер высказывания, в данном случае выступает сложносочиненный союз (*but*) в инициальной позиции. Так персонаж выражает неуверенность, страх и сомнение.

Иногда прерывистость и зависимый характер речи могут быть обнаружены с помощью авторских комментариев. Рассмотрим один из таких примеров:

21. — *He started to say, 'Denise, dear, please —' then stopped.*

— *'Is that really your final answer?' <...>*

— *'It has to be', he said. 'I'm sorry'. He added, 'I'll call you, Denise — just as soon as I can get away.'* [A.H.:642]

В данном случае представлена часть диалога между женщиной и мужчиной. Социально участники коммуникации не зависят друг от друга, но учитывая обстоятельства и сложившуюся ситуацию, мужчина занимает позицию зависимого человека, а женщина — авторитарной личности. Опираясь на авторские комментарии (*he started/ then stopped*), можно утверждать, что говорящий, не успев начать свою речь, заканчивает её явно по каким-то внутренним причинам. Кроме этого, необходимо отметить, что, отвечая на вопрос, герой использует модальный глагол (*have to*), демонстрируя тем самым свою зависимость от внешних обстоятельств и снимая с себя ответственность за предоставленный ответ. Говорящий, выступающий в роли зависимого, также использует такие лексические единицы, как *sorry, please, dear*, в значении которых тем или иным образом присутствует сема *polite*. С помощью этого герой выражает сожаление или чувство уважения, а все высказывание приобретает зависимый характер.

В ходе анализа были найдены также и другие языковые способы проявления зависимости, которые, несмотря на незначительное количество, представляют большой исследовательский интерес.

Стоит отметить, что степень зависимости одного индивидуума от другого может быть разной. Поэтому нельзя сказать, что страх, стремление понравиться и получить одобрение со стороны людей из массы или кого-то, кто выступает лидером и обладает властью, полностью исключает попытки критики авторитарной личности со стороны личности зависимого типа. Одним из способов критики выступает вопрос:

22. *Well, Alexander said differently, isn't just doing the two tests alone ... a bit out of date?* [A.H.:324].

Рассматриваемый пример представляет собой реплику молодого врача, который, учитывая свое положение новичка и пока чужого в

коллективе больницы, куда он недавно устроился на работу, все же выражает свое мнение относительно решения заведующего отделением. Зависимый характер высказывания в данном случае проявляется в выборе коммуникантом вопроса, как средства критики. Такой шаг позволяет персонажу смягчить критику и звучать вежливо. С этой же целью говорящий добавляет наречие *a bit*, указывая собственно на проблему. Помимо этого, как и в примере (20), свою речь персонаж начинает со служебной части речи. Однако в примере (20) присутствовал сложно – сочиненный союз (*but*), тогда как в настоящей реплике используется междометие (*well*), так высказывание приобретает тон допускающий возражения и критику со стороны.

Одним из методов проявления зависимой личности в речи выступает использование глагола *allow*:

23. 'And are we really allowed to come inside here?' Klaus asked [L.S.:30].

Пример (23) представлен репликой мальчика, одного из главных героев книги. Высказывание адресовано опекуну детей. Главным и прямым указателем на зависимый характер речи героя в данном примере выступает глагол *allow* в пассивном залоге. Кроме этого, использованное наречие *really* подчеркивает зависимый характер речи, указывая на сомнения и тревогу говорящего. Стоит также отметить, что в данном примере, подобно примерам (20) и (22) присутствует служебная часть речи (*and*) в инициальной позиции. В данном случае реализована одна из функций использования сложносочиненного союза (*and*) в инициальной позиции предложения, выделяемых Т.В. Куралевой. Так в числе функций логико - семантического характера лингвист выделяет функцию создания дополнительного акцента на последующей информации. Кроме этого, исследователь отмечает, что использование сложносочиненного союза (*and*) в инициальной позиции придает дополнительную экспрессивность всему высказыванию [Куралева 2007:61].

24. 'Probably', Charles conceded. 'But, as you er...may know, we ...that is ...my family...we aren't allowed to er... actually...sell any of our... er...' [S.T.:30].

В примере (24) представлен отрывок речи мужского персонажа с зависимым типом личности. Как и в примере (23), главным способом языкового проявления зависимой личности в данном случае выступает глагол *allow* в пассивном залоге. Помимо этого в примере присутствуют лексические единицы придающие всему высказыванию характер сомнения и неуверенности. Например, наречие (*probably*), сложносочиненный союз (*but*) в инициальной позиции, подобно примерам (20) и (23), а также звукоподражательные слова (*er... er...er*). Более того персонаж использует модальный глагол (*may*), демонстрируя низкую степень уверенности, что придает речи зависимый характер.

2.3.2 Высказывания женских персонажей

В ходе исследования был также проведен анализ высказываний женских персонажей (27) и были выделены характерные способы языкового проявления женских героев с зависимой психологической доминантой.

Одним из приемов, который встречается в речи зависимых женских персонажей является редупликация:

25. *'My m-m-mummy likes them. She p-p-plaits them for me every morning'*[R.D.:109].

Пример (25) состоит из двух простых предложений, в каждом из которых представлено речевое заикание, которое передает эмоциональное состояние персонажа. Такое заикание в данном высказывании выражено с помощью редупликации. Однако в анализируемой реплике происходит редупликация составляющих элементов слова, а не частей предложения или целых лексических единиц, как в примерах (17), (19) и (20). Таким образом, в данном примере главным способом языкового проявления зависимого типа личности выступает редупликация составляющих элементов слова.

Также одним из способов проявления зависимости характера в речи является использование определенных лексических единиц со значениями: извинение, прощение, мольба, вежливая просьба и др.:

26. *'I'm sorry to interrupt,' she said<...> 'I told him that, Mr. Tomaselli.' She sounded doubtful. 'But he's very insistent. He says he's the husband of a patient. I thought you ought to know'* [A.H.:142].

В примере (26) представлен отрывок диалога между секретарем и старшим врачом. Высказывание героини, выступающей в роли секретаря, начинается с выражения извинения выраженного в речи составным именованным сказуемым и инфинитивом (*I'm sorry to interrupt*). Именная часть сказуемого в свою очередь выражена прилагательным *sorry*, которое выражает неловкость и сожаление, испытываемые героиней за свои действия. Вдобавок женский персонаж использует глагол в прошедшем времени (*thought*), но в значении настоящего, таким образом, речь звучит вежливее и скромнее, т.е. так, как и требует социальное положение героини. Более того, одно из предложений начинается со сложносочиненного союза (*but*), подобно примерам (20) и (23). Стоит отметить, что зависимый характер речи героини подтверждается и авторским комментарием (*She sounded doubtful*).

Другим способом языкового проявления женского персонажа с зависимой психологической доминантой является использование придаточных предложений:

27. *And I will come back to your service if you want me. Your Majesty* [P.G.:545].

Настоящий пример представлен сложноподчиненным предложением. Зависимый характер речи в рассматриваемом предложении проявляется главным образом через придаточное условное. При помощи глагола волеизъявления (*want*) фокус всего высказывания переносится на второго участника коммуникации, таким образом, подчеркивается важность и значительность его пожеланий. Вместе с тем инструментом проявления зависимости в речи в данном случае выступает также обращение (*Your Majesty*), так как семантическими компонентами лексической единицы *majesty* согласно Cambridge Dictionary являются такие семы, как *admiration, respect, queen, king*. Так подобное обращение характерное для времен с ярко выраженной иерархией власти идентифицирует данное высказывание как

зависимое. Вдобавок в предложении, как и в примерах (20), (23) и (26), присутствует сложносочиненный союз (*and*) в инициальной позиции.

Прерывистость речи и структурно незавершенные предложения, как показатель зависимого типа личности, встречается также в речи женских персонажей.

28. *No, Daddy, it's beautiful, honestly it is. It is about...* [R.D.:36].

В настоящем примере представлена реплика малолетней дочери из разговора с разгневанным отцом. Зависимый характер речи персонажа в данном случае проявляется главным образом в незавершенной структуре последнего предложения, героиня просто обрывает свою речь на полуслове, демонстрируя тем самым слабость характера. В данном высказывании также стоит обратить внимание на дистантный параллелизм *it's – it is* в сложносочиненном предложении. Такой шаг придает всему высказыванию более выразительный характер. Кроме всего прочего, чтобы подчеркнуть искренность и честность своих слов, женский персонаж использует наречие *honestly*. Неуверенность, стремление оправдаться и доказать собственную искренность – черты, характерные речи личности зависимого типа.

К способам языкового проявления женской зависимой личности можно также отнести привычную для английского языка вежливую форму выражения несогласия или критики:

29. *'If it's meant to be a joke, Headmistress, I don't think it's a very funny one', Miss Honey said from the back of the class* [R.D.:154].

Пример (29) был взят из диалога директрисы и преподавателя школы. Директриса выступает персонажем с авторитарной психологической доминантой, а преподаватель – с зависимой. Высказывание состоит из сложного предложения с придаточным условным. Главным элементом, характеризующим рассматриваемое высказывание как зависимое, выступает грамматическая основа (*I don't think*) в главной части сложного предложения. Так с помощью грамматического отрицания во второй части высказывания женский персонаж переносит фокус на себя, чтобы избежать прямой критики. С этой же целью в речи используется условное придаточное,

которое, в отличие от примера (27), где происходила смена фокуса, помогает смягчить мысль, что ранее высказанная шутка была неудачной.

Необходимо заметить, что возможно на первый взгляд в примерах (22) и (29) герои ведут себя в соответствии с общепринятыми нормами вежливого поведения, установленными в англоязычной культуре, однако, предположив, что говорящие из примера (22) и (29) являются личностями авторитарными, становится очевидным, что речь персонажей имела бы совершенно иную форму и компоненты. Именно поэтому представляется корректным утверждать, что подобное речевое поведение в данном случае является проявлением зависимого типа характера.

В ходе поиска и анализа материала было найдено высказывание, которое представлено привычной формой вопроса зависимого человека лидеру:

30. *'What do we do? Hermione asked Harry, trembling from head to foot [J.R.:695].*

В настоящем примере представлена реплика из диалога между друзьями. Учитывая обстоятельства и происходящее, героиня, задавая вопрос, неосознанно занимает позицию подчиненного, всецело полагаясь на решение лидера, ее друга. Зависимый характер рассматриваемого высказывания проявляется главным образом через специальный вопрос (*what do we do*). В качестве доказательства этому можно привести авторский комментарий (*trembling from head to foot*). Стоит отметить, что в вопросе используется настоящее простое время в значении будущего времени, что можно объяснить наличием определенного плана действий.

Выводы по Главе II:

В данной главе были рассмотрены высказывания, содержащие указание на авторитарный или зависимый характер говорящего. Был проведен анализ высказываний из современной художественной литературы американских и британских авторов как с точки зрения их содержания, так и с точки зрения языковых способов проявления авторитарности или зависимости характера говорящего. Весь корпус примеров (126) был поделен на группу высказываний авторитарной личности и личности зависимого типа. В каждой группе высказывания были также проанализированы с учетом гендерной принадлежности говорящего. Также был установлен диапазон языковых средств выражения авторитарной или зависимой психологической доминанты в речи.

Количественный анализ показал, что авторитарность в рассмотренном корпусе примеров больше свойственна речи мужских персонажей, а зависимый характер речи – женским персонажам.

В результате проведенного исследования было установлено, что языковое проявление авторитарной личности осуществляется с помощью разнообразных языковых средств, среди которых были выделены предложения с нераспространенной структурой, номинативные предложения, личные местоимения, притяжательные местоимения (*my dishwashers*), предложения невосклицательные по цели высказывания, но оформленные восклицательным знаком (*I warned you!*), инверсия, модальные глаголы, наличие повелительного наклонения (*Hurry up, you three*). Кроме этого, в качестве языковых средств проявления авторитарной личности в английской речи были выделены риторические вопросы (*WHAT HAVE I TOLD YOU, thundered his uncle, spraying spit over the table <...> 'ABOUT SAYING 'M' WORD IN OUR HOUSE?'*), глаголы волеизъявления (*want, will, tolerate u др.*). В число способов языкового проявления зависимой личности вошли предложения с незаконченной структурой (*didn't we -?*), грамматическое отрицание (*I don't think it's a very funny one*), редупликация частей

предложения, лексических единиц или элементов слова (*m-m-mummy, it is - it is*), а также характерная лексика, выражающая сожаление, тревогу и неуверенность (*I'm sorry, probably, maybe*). В ходе анализа было также установлено, что зависимый характер речи может достигаться за счет сложносочиненных союзов в инициальной позиции и использования других служебных частей речи (*Well <...> isn't just doing the two tests alone ..., But, didn't we, didn't we - ?, 'Probably', Charles conceded.*).

По результатам проведенного анализа было также установлено, что существенных различий в речи мужских и в речи женских персонажей с авторитарной доминантой нет. Однако женские авторитарные персонажи, в отличие от мужских героев, более склонны использовать в речи притяжательные местоимения, как способ языкового проявления авторитарности. Что касается речи зависимых персонажей, то корпус примеров также показал, что речь мужчин и женщин схожа. Более этого, мужские зависимые персонажи, равно как и женские, используют в речи «модальные элементы» (*But, as you er...may...*), устойчивые выражения (*a bit out of date*), вводные обороты (*as you er...may know...*), частицы (*doing just two tests alone..., we aren't allowed to er... actually...sell any..., well, isn't doing...*). Таким образом, полученные результаты анализа не позволяют согласиться с точкой зрения тех лингвистов, которые полагают, что использование всех вышеперечисленных речевых элементов характерно только женской речи. Исходя из этого, а также опираясь на собранный материал, можно заявить о том, что настоящее исследование подтверждает ту теорию, согласно которой речь мужчин и женщин – явления схожие. Как показывает анализ, речевое поведение и мужских, и женских персонажей, независимо от типа личности, продиктовано главным образом особенностями коммуникативной ситуации, личностными интенциями говорящего и внеязыковыми причинами.

В ходе анализа блока примеров также были затронуты авторские комментарии, которые встречаются с одинаковой частотностью как при авторитарных высказываниях, так и при высказываниях зависимого характера. Авторские ремарки, как показал анализ, могут затрагивать

артикуляционные особенности речи говорящего (*murmured Macnair*), высоту голоса (*said Umbridge, in the same loud, slow voice, thundered his uncle, roared Uncle Vernon*), тон речи (*Alexander said differently, said Professor McGonagall, in a coldly indifferent voice, he ordered them, she warned him*), перцептивный эффект высказывания (*she sounded doubtful, Anne remarked smugly, said Voldemort coolly*), и даже внеречевое поведение говорящего (*trembling from head to foot*).

В целом для авторитарной речи характерно краткость изложения, информационная наполненность, экспрессивный характер и структурная завершенность. Речи зависимой природы присущи развернутость, распространенная структура, наличие различных средств выражения эмотивности, а также структурная прерывистость или незавершенность.

Заключение

Настоящая выпускная квалификационная работа посвящена языковому проявлению авторитарной и зависимой личности. В качестве источников примеров для анализа были использованы произведения американских и британских авторов XX – XXI вв.

Весь корпус примеров подвергся лингвистическому анализу. Все высказывания были также рассмотрены с учетом социальных особенностей говорящего и подразделены на соответствующие группы. Анализ корпуса собранных примеров позволил заключить, что личности авторитарного и зависимого типа используют различные языковые средства самовыражения. Так, например, структура высказываний авторитарного характера преимущественно простая ивершенная, тогда как речь зависимого типа характеризуется прерывистостью и незавершенностью.

На основании проделанного нами исследования, можно опровергнуть теорию дифференциации мужской и женской речи и опираясь на результаты проведенного анализа, утверждать, что речь мужских и речь женских персонажей обладают схожими языковыми особенностями. Таким образом, настоящая работа также позволяет утверждать, что в условиях разграничения власти и полномочий, в отношениях «глава - подчиненный» влияние гендерного фактора на речевое поведение говорящего сводится к минимуму.

Стоит также отметить, что квантитативный анализ собранного материала показал, что авторитарный характер речи чаще наблюдается у мужских персонажей, а зависимый – у женских.

Практическая значимость данной работы видится не только в перспективе дальнейшего лингвистического сопоставительного исследования авторитарных и зависимых высказываний в английском и русском языках, но и в использовании полученных в ходе анализа данных для написания речей соответствующего характера и проведения психологических и социологических исследований.

Литература

1. Адорно Т. В. Исследование авторитарной личности. СПб.: Астрель, 2012. – 480 с.
2. Антинескул О.Л. Гендер как параметр текстообразования. Пермь: ПГУ, 2000. – 257 с.
3. Асеева А.Д. Психологические особенности личности, способствующие развитию зависимого поведения. Научный журнал КубГАУ, № 101(07), 2014.[интернет – ресурс] – [<https://cyberleninka.ru/article/v/psihologicheskie-osobennosti-lichnosti-sposobstvuyuschie-razvitiyu-zavisimogo-povedeniya>].
4. Балабанова Е.С. Теории «зависимой личности»: возможности социологической интерпретации. Личность. Культура. Общество. М.: Независимый институт гражданского общества, Т. 7. Вып. 4 (28), 2005. – 94-103 с.
5. Белая Н.В. О проявлении гендерных различий в языке. 2009. [Интернет ресурс] – [<https://cyberleninka.ru/article/n/o-proyavlenii-gendernyh-razlichiy-v-yazyke>].
6. Беляева А.Ю. Особенности речевого поведения мужчин и женщин: На материале русской разговорной речи. Москва: 2000. – 177 с.
7. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: Автореф. дис...докт. филол. наук., Ленинград: 1984. – 31 с.
8. Вахрамеева А.С. Гендерно-ориентированные высказывания в современном английском языке (на материале женской прозы). СПб: 2009. – 191 с.
9. Вахрамеева А.С, Петрова Е.С Соотношение понятий «языковой миф», «стереотип», «лингвокультурный типаж». СПб.:Международный институт «Educatio», 2015. – 8 – 10 с.
10. Виноградов В.В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1930. – 193 с.

11. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании. М.: Филологические науки, 2001. – 64-72 с.
12. Жигайкова Е.А. Английская женская речь, АКД. М., 2004. – 73 с.
13. Карасик В.И. Языковое проявление личности. Москва, 2015. – 383 с.
14. Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. Волгоград : Парадигма, 2005. – 5–25 с.
15. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
16. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения. Сб. Язык и личность. Москва, 1989. – 3-8 с.
17. Караулов Ю.Н. Русский язык. М.: Дрофа, 1997. – 721 с.
18. Кирова А.Г. Развитие гендерных исследований в лингвистике. Вестник ТГПУ, выпуск 8 (86), 2009. –138-140 с. [интернет – ресурс] – [<https://cyberleninka.ru/article/v/razvitie-gendernyh-issledovaniy-v-lingvistike>].
19. Кирилина А.В. Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах // Гендер и язык / Ред. А. В. Кирилина. М.: Языки славянской культуры, 2005а. – 7–33 с.
20. Куралева Т.В. Дискурсные функции инициальных сочинительных союзов (на материале современного английского языка). Спб., 2007. – 167 с.
21. Кусаинова А.М. Языковая личность Герольда Бельгера. Челябинск: Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. №35, 2009. – 118 -122 с.
22. Кыштымова Т.В. Понятие языковая личность в современной лингвистике. Челябинск: Вестник ЧГПУ, 2014. – 237-244 с.
23. Лассвелл Г. Язык власти. Политическая лингвистика. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2006, № 20, – 264-280 с.

24. Лутовиново О. В. «Лингвокультурный типаж» в ряду смежных понятий, используемых для исследования языковой личности. Чита: Ученые записки Забайкальского государственного университета, 2009. – 225- 227 с.
25. Марченко С. И. Язык как власть. Этическое и эстетическое: 40 лет спустя: Материалы научной конференции. 26 - 27 сентября 2000 г. Тезисы докладов и выступлений. СПб., 2000. – 93–97 с.
26. Михалевич О.В. Проблема изучения языковой личности в лингвистике: исторический аспект. Вестник КРАУНЦ «Гуманитарные науки» 2011, № 17. [интернет – ресурс] – [<https://cyberleninka.ru/article/n/problema-izucheniya-yazykovoy-lichnosti-v-lingvistike-istoricheskiy-aspekt>].
27. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология : к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод. Сб. науч. тр. М.: Московский государственный лингвистический университет, 1996. – 112-116 с.
28. Ольшанский И.Г. Язык и языковая личность в условиях современного социального контекста. М.: РГСУ. Ученые записки, 2004. №1. – 79-80 с.
29. Пилатова В.Н. Экспрессивное отрицание в современном английском языке. СПб., 2002. – 3-190 с.
30. Стрельникова Е.А. Психологические особенности зависимой личности, 2012 [интернет-ресурс <https://www.b17.ru/psiholog/>].
31. Толмачева Т. А. Теория языковой личности и процесс обучения межкультурной коммуникации. ВМУ. [интернет – ресурс] – [<http://e-lib.gasu.ru/vmu/archive/2004/01/19.shtml>].
32. Фешкина И.А. Сущность и роль стереотипов в процессе межкультурной коммуникации. Волгоград: Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2009. – 53-57 с.
33. Фромм Э. Искусство любить. Москва, 2017. – 320 с.
34. Цой А.С. Антропоцентрическая лексикография. Русский язык за рубежом. 2008. – 43-48 с.

35. Юферева В.С. Авторитарная риторика речи художественных персонажей на материале англоязычных произведений в жанре фэнтези. СПб: 2017. – 81 с.
36. Coates J. Women talk: Conversation between women friends. Oxford: Blackwell, 1996. – 324 p.
37. Goodwin M.H. Directive-response speech sequence in girls' and boys' task activities. 52 Women and Language in Literature and Society. Praeger, New York, 1980, P. 157–173.
38. Jespersen O. Language, Its Nature, Development, Origin. London: George Allen & Unwin Ltd, 1922. – 367 p.
39. Lakoff R. Language and Woman's Place. // Language in Society. № 2. New York: Harper and Row, 1975. P. 45–79.
40. Lakoff R. Stylistic differences within a grammar of style // Language, sex and gender: Does la difference make a difference? New York: Oxford University Press, 1979. P. 56–64
41. Tannen D. You just don't understand. Women and men in conversation. New York: William Morrow, 1990. – 352 p.

Список использованных словарей

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога. СПб.: Эксмо, 2010. – 721 с.
2. Большая советская энциклопедия – [интернет - ресурс http://www.rubricon.com/bse_1.asp].
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Москва, 2005. 24-е издание
4. Colin McIntosh Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Cambridge, 2013.

Список источников примеров с сокращениями:

1. R.D. – Roald Dahl. Matilda. London: Puffin Books, 1998. – 240 p.
2. W.G. – William Golding. Lord of the Flies. London: Penguin Books, 2003. – 336 p.

3. P.G. – Philippa Gregory. *The other Boleyn Girl*. London: First Touchstone Edition, 2003. – 661 p.
4. A.H. – Arthur Hailey. *The Final Diagnosis*. New York: Open Road media, 2015 – 334 p.
5. S.T. – Stephen King. *Carrie*. New York: Anchor, 2008. – 322 p.
6. J.R. (a) – Joanne Rowling. *Harry Potter and the Goblet of Fire*. New York: First Scholastic Trade Paperback Edition, 2002. – 734 p.
7. J.R.(b) – Joanne Rowling. *Harry Potter and the order of the Phoenix*. London:Scholastic Inc, 2004 – 870 p.
8. L.S. – Lemony Snicket. *A series of unfortunate event: The Reptile Room*. New York:Scholastic Inc, 1999. – 192 p.
9. L.S. – Lemony Snicket. *A series of unfortunate event: The Bad Beginning*. New York:Scholastic Inc, 1999. – 176 p.
10. S.T.– Sue Townsend. *The Queen and I*. London: Penguin Books, 2002. – 288 p.